

Кто мог забыть такое нелепое происшествие?

В тот год Цзи Саньмэю исполнилось пятнадцать. Как главный герой, способствовавший взятию Чжуинем Лунгана, он с триумфом въехал в городские ворота, украшенный алыми лентами и цветами.

Весь город ликовал — вот это была слава!

Ван Чуаньдэн, уже получив весть о возвращении Цзи Саньмэя, наблюдал за юношей на коне вместе с Шэнь Фаши с балкона придорожной чайной.

По сравнению с тем, каким он был четыре года назад, Цзи Саньмэй стал взрослее. Его стань, словно весенние лозы, обвивающие дерево, тяготела к томной, чувственной стройности. Во рту он держал бамбуковую курительную трубку, взгляд его был холоден и надменен, а облик — полисьи утончённым; даже дым, что он выдыхал, казался ледяным.

Ван Чуаньдэн заметил, как его губернатор держит в руках золотую нефритовую курительную трубку, медленно поглаживая её пальцами.

...Это личный подарок, и вручать его следовало наедине. Сейчас не время для излишних действий.

В толпе девушка, пытаясь бросить цветы из корзины в сторону Цзи Саньмэя, потеряла равновесие, вскрикнула и чуть не упала. Внезапно ветви дерева у дороги изогнулись, обвили её за талию и мягко приподняли.

Корзинка взмыла в воздух, и красные с белым цветы закружились вокруг Цзи Саньмэя, подобно пчёлам или бабочкам. Юноша, невозмутимо сидя в седле, лишь взмахнул рукой — и разрозненные цветы собрались в огромный, невиданных размеров цветок, что с лёгким хлопком распустился прямо перед глазами подарившей их девушки.

Шэнь Фаши, увидев это, едва не раздавил чашку в руке.

Вот же баловень судьбы, притягивающий к себе внимание!

В этот момент из соседнего зала чайного дома раздался звонкий голос девушки:

— Род Цзи из Биньци когда-то точно так же был захвачен и поглощён Чжуинем. Госпожа Цзян Цы, не вынеся позора утраты родной земли, бросилась в реку, а правитель Биньци сдался вместе с двумя сыновьями. Теперь этот старший сын Цзи своими кознями привёл Лунган к той же участи. Предатель, да как ему, должно быть, весело! Если разобраться, выходит, что лишь у госпожи Цзян в роду Цзи была настоящая твёрдость духа.

Слова её были слишком жестоки, да и говорила она, не понижая голоса. Служанка, опасаясь, как бы их не услышали не те люди, поспешила замять разговор:

— Госпожа, вы, верно, опьянели?

Девушка не поддалась, лишь улыбнулась:

— Да, и от чая можно опьянеть.

Шэнь Фаши не желал слушать дальше.

Подобные речи о Цзи Саньмэе он слышал уже множество раз, но принимать их отказывался.

Он знал, что соседний зал семья Чжоу из Чжуиня арендовала на постоянной основе. Эту девушку звали Чжоу Ижэнь — имя и облик её были мягки и изящны, как у южанок, но нрав она имела решительный и прямой, истинно мужской, терпеть не могла подхалимства, раболепия и злоупотребления силой.

Старшего брата Шэнь Фаши, Шэнь Цзинчжи, из-за слабого здоровья не взявшего путь культивации, как-то раз несколько молодых повес, кичившихся своими скромными способностями, публично унизили. Одиннадцатилетняя Чжоу Ижэнь, проезжая мимо верхом, выхватила два меча, сбила с них головные уборы и обратила в бегство, после чего собрала эти уборы и ускакала, размахивая плетью.

Цзи Саньмэй, узнав об этом, был ею восхищён и с тех пор, говоря о Чжоу Ижэнь, неизменно величал её «героиней Чжоу».

Шэнь Фаши поднялся и вошёл в чайный зал семьи Чжоу.

Чжоу Ижэнь как раз наливала себе чай. Увидев его, она лишь слегка кивнула:

— Третий господин Шэнь.

Губернатор Шэнь, беседуя с героиней Чжоу о Цзи Саньмэе, конечно, не мог прийти к согласию: один всячески защищал Цзи Саньмэя, другая же им откровенно пренебрегала. Поскольку переубедить друг друга не получалось, они попросту раздвинули столы и стулья, убрали чашки и блюда и затеяли жаркую драку.

Чжоу Ижэнь и впрямь оказалась настоящей героиней: она продержалась против Шэнь Фаши целых пятнадцать минут, прежде чем признать поражение. Смахнув кровь с уголка рта, она воскликнула: «Здорово!» — без лишних слов признала своё поражение и тут же предложила Шэнь Фаши встретиться вновь через три дня на учебном плацу в Северном пригороде.

Благодаря Цзи Саньмэю Шэнь Фаши уже усвоил, что значит «действовать не по правилам», поэтому поведение Чжоу Ижэнь его не удивило. Он принял вызов и удалился.

Той же ночью он бродил по улицам почти целый час, прежде чем «случайно» встретил Цзи Саньмэя, в одиночестве покидавшего праздничный пир, и вручил ему ту самую золотую нефритовую курительную трубку. О том, что ради него он подрался с героиней из семьи Чжоу, Шэнь Фаши не обмолвился ни словом — а то Цзи Саньмэй наверняка начал бы подтрунивать.

Кто бы мог подумать, что три дня спустя старший сын рода Цзи, Цзи Саньмэй, проиграв пари в пьяном виде своим приятелям, самолично уничтожит свой духовный корень.

Получив эту весть, Шэнь Фаши понял, что его представление о «действиях не по правилам» достигло новой глубины.

Он даже не стал дожидаться назначенной встречи, а сразу же отправился в дом семьи Цзи.

Духовный корень Цзи Саньмэя был разрушен до основания, сам он крайне ослаб, а к полуночи у него начался сильный жар. Лицо его пылало румянцем, губы же побелели; пот лился ручьями, промочив одну смену одежды за другой, и вскоре на простынях отпечатались целые очертания его тела. Когда Шэнь Фаши ворвался в комнату, бледность Цзи Саньмэя повергла его в ярость — так и хотелось дать ему затрещину, чтобы вернуть в ночь перед тем нелепым

поступком.

Цзи Саньмэй:

— Брат Шэнь, ты пришёл.

Шэнь Фаши подошёл к ложу. Рука его дрогнула, но в конце концов он смирился и приложил ладонь ко лбу юноши.

...Ладно уж.

Если впредь ты снова совершишь какую-нибудь нелепость, с которой не совладаешь, я буду защищать тебя сам.

В комнату вошёл Цзи Лючэнь с тазом горячей воды. Увидев Шэнь Фаши, он недовольно молвил:

— Третий господин Шэнь, хорошо, что вы пришли. Старший брат в бреду, даже нашего Ату зовёт братом Шэнь.

«Ату» была домашней собачкой семьи Цзи. Из этого сравнения явствовало, как плохо Цзи Лючэнь относился к Шэнь Фаши.

Шэнь Фаши не обратил на это внимания, позволив Цзи Саньмэю, горячему, как уголёк, возиться у себя на руках.

Цзи Саньмэй погладил его по волосам и с удовлетворением произнёс:

— Ату, у тебя наконец-то выросла шерсть.

Шэнь Фаши:

— ...Гав.

Цзи Лючэнь, судя по всему, был шокирован такой наглостью Шэнь Фаши. Он поставил таз и вышел, чтобы прийти в себя.

Шэнь Фаши смочил полотенце в горячей воде и приложил его ко лбу Цзи Саньмэя — тело того было ледяным, и холодная вода могла его добить.

— ...Как ты мог быть таким нелепым? — выдохнул Шэнь Фаши.

Цзи Саньмэю было больно, но, к счастью, вместе с болью умер и стыд. Он обвил руками шею Шэнь Фаши и тихо спросил:

— Брат Шэнь, если я буду нелепым, ты разлюбишь меня?

Щёки Шэнь Фаши залились румянцем. Не отвечая, он принялся обтирать его тело.

Цзи Саньмэй обхватил Шэнь Фаши горячими, слабеющими руками, прижался лицом к его тёплым мышцам и с наслаждением потерся щекой.

На самом деле он хотел сказать многое.

— «Брат Шэнь, эти заклинания я постиг в Лунгане. Я не могу их оставить. Я не имею права».

— «Если я оставлю эти заклинания, как на меня посмотрит Чжуинь?»

— «Я провёл в Лунгане четыре года, использовал все свои уловки, вверх целый город в смятение. Если к тому же я сохраню магические силы, Чжуинь непременно станет меня опасаться. Я уничтожил духовный корень, чтобы показать им: я смиренен, я покорен, я никогда не стану строить козни против Чжуиня, как строил их против Лунгана. Поэтому позвольте мне навсегда остаться в Чжуине, чтобы у Лючэня был спокойный дом, а я мог быть рядом с тобой».

Но все эти слова Цзи Саньмэй, вместе с болью, зажал на кончике языка, ни за что не выпуская их наружу.

В конце концов, разрываемый на части множеством чувств, Цзи Саньмэй задал наивнейший вопрос:

— Брат Шэнь, угадай, что я такое?

Шэнь Фаши раздражённо буркнул:

— Негодяй.

Цзи Саньмэй таинственно покачал головой:

— Не угадал.

— Негодяй, который только и делает, что привлекает к себе внимание.

— Не угадал.

Шэнь Фаши немного успокоился:

— Тогда... красивый цветок.

...Всё равно привлекающий внимание.

Цзи Саньмэй снова покачал головой и тихо рассмеялся:

— Я — дом.

Шэнь Фаши:

— Что?

Цзи Саньмэй, крепко обнимая Шэнь Фаши и дрожа от боли, но не отпуская, серьёзно сказал:

— Я — дом. С горами, реками и прекрасными видами. Я хочу, чтобы ты, Лючэнь и Ату жили в нём. И я не возьму с вас платы.

Услышав слова «маленького домика», сердце Шэнь Фаши сжалось от боли. Боль эта превратилась в беспричинный гнев. Он дерзко, почти в наказание, ущипнул Цзи Саньмэя за оба уха, наклонился и впечатал поцелуй в его губы, от которых пахло табаком.

Когда Шэнь Фаши, красный как рак, отстранился, Цзи Саньмэй облизнул губы, проведя по ним языком разок-другой, и обиженно промолвил:

— Брат Шэнь, ты меня укусил.

Шэнь Фаши прорычал в ответ:

— ...И жить в нём буду только я.

<http://bllate.org/book/16281/1466169>